

ДИАСПОРЫ

НЕЗАВИСИМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит два раза в год
Год издания шестнадцатый

МОСКВА

⁵¹ А. Гали видит ещё один источник пополнения численности казахов в РК: «...надо записывать казахами каракалпаков и другие близкородственные народы» (Деловая неделя. 2009. 4 сентября).

⁵² АиФ Казахстан. 2012. № 27.

⁵³ Там же.

⁵⁴ 41 % оралманов находится в возрасте до 18 лет (Казахстанская правда. 2009. 3 ноября).

«ИСТИННЫЕ КАЗАХИ» В ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ВРЕМЕНИ (оралманы¹ и «культурное гражданство»)

Ирина Поправко

*«— Почему Вы переехали в Казахстан из Монголии?
— Чтобы стать настоящим казахом...»
(из разговора с таксистом-репатриантом
по дороге в посёлок Шыгыс
Восточно-Казахстанской области)*

При изучении различных аспектов проблемы гражданства в контексте репатриации вопрос аутентичности (истинности, исконности) является одним из ключевых, о чём свидетельствует традиция антропологических исследований в различных странах, в разное время столкнувшихся с проблемой «новых граждан». Достаточно назвать исследования границ нации и гражданства на примере репатриантов в Италии после Второй мировой войны², в Германии после падения Берлинской стены³, Португалии в контексте так называемых миграций деколонизации⁴. Главный исследовательский вопрос данных публикаций, сформулированный в своё время К. Бреттелл⁵, заключается в следующем: что означает это гражданство в каждом конкретном случае, и отличаются ли права мигрантов от прав остальных граждан?

В настоящей публикации проблема социальной категоризации в контексте репатриации в современном Казахстане выступает в качестве исследовательского кейса, на примере которого мы постараемся раскрыть многогранность, неоднозначность и сложность данного процесса. Но прежде конкретизируем категориальный аппарат нашего исследования, обратив-

Поправко Ирина Геннадьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета.

шись к понятиям «гражданства» и, конкретнее, «культурного гражданства».

«Гражданство» как инструмент социального включения/исключения, как динамичный процесс, включающий в себя гражданские, социально-экономические и культурные права в публичной сфере, рассматривалось в работах Р. Брубейкера⁶, А. Аппадурай⁷ и немало числа других авторов. Д. Бердал, анализируя границы гражданства в Германии после падения Берлинской стены, дала, на наш взгляд, хорошее определение этой категории: гражданство рассматривается как «непрерывный процесс, социальная практика и культурный перформанс, а не статичная категория. Это влечёт за собой сложную и часто противоречивую борьбу за определение социального членства, за категории и практики включения и исключения, а также за различные формы участия в общественной жизни»⁸.

Важным для нашего анализа является также понятие «культурного гражданства». Используя его для анализа воспроизводства культурных границ в США посредством системы высшего образования, Р. Розальдо⁹ разделяет его на две категории — культуру и гражданство. Они призваны включать и исключать определённые группы людей в американское общество. Гражданство стремится дать всем равные возможности и права, культура же (в её обыденном понимании) делит людей на «полных» граждан и граждан «второго сорта». Но такой взгляд на «культурное гражданство» как на спрос на «полное гражданство» непривилегированных меньшинств, является односторонним, с точки зрения А. Онг, поскольку он, по его мнению, игнорирует субъективные и противоречивые переживания.

Оппонируя Р. Розальдо, учёный использует понятие «культурное гражданство» для обозначения практик и представлений (убеждений), возникающих в результате согласования зачастую неоднозначных взаимоотношений с государством и его институтами, которые формируют критерии принадлежности к национальному населению и территории. Культурное гражданство предполагает двойственный процесс внутреннего и внешнего конституирования внутри властных сетей, связывающих государство и гражданское общество. Обретение гражданства зависит от того, каким образом индивид конституируется: как

субъект, отправляющий власть, либо как подчиняющийся ей¹⁰. Используемая в статье категория «границ» по сути включает границы «повседневные» и «символические». Речь пойдёт о социальной категоризации «свои»—«чужие» внутри казахстанского общества.

Во многом такое понимание «границ» опирается на теоретические построения Ф. Барта, который делал акцент именно на процессы воспроизводства границ между различными сообществами, а также на процедуры включения в группу новых членов. Именно этническая граница определяет группу, а не сам по себе содержащийся в пределах этих границ «культурный материал». Культурные различия в данном случае используются людьми как инструмент в определении границ группы¹¹. В статье мы постараемся показать, каким образом через такие культурные маркёры, как язык, традиции, религия, а также такие категории, как пространство и время, происходит включение (исключение) в группу «своих» («граждан», «настоящих казахов») внутри казахстанского общества в контексте проблемы репатриации. Иными словами, будет показано, как решается вопрос границ «культурного гражданства» в современном Казахстане.

Проблема категоризации в казахстанском обществе в связи с репатриантами (оралманами) с антропологической точки зрения не может быть рассмотрена вне социально-демографической ситуации, сложившейся в Казахстане после обретения им независимости. Проводимая Казахстаном с начала 1990-х гг. политика репатриации этнических казахов (оралманов) на историческую родину, ставила своей целью ликвидацию этнодемографических диспропорций и способствовала тому, что в конце XX — начале XXI в. казахи стали абсолютным большинством населения в Казахстане¹². Так, с 1991 по 2005 г. в Казахстан переехало 464 426 оралманов, по преимуществу из Узбекистана (61,45%), Монголии (15,39%), Туркменистана (9%), Китая (4,76%) и России (5,38%). Более 60% из них поселились на юге страны: в областях Южного Казахстана (26%), Мангистау (13%), Алма-Ате (13%) и в Джамбуле (10%)¹³. Переселившиеся казахи вместе со статусом «оралмана» получают ряд экономических, социальных и других предпочтений, которые призваны решить задачу

их интеграции в современное казахстанское общество. Список льгот и преференций выглядит следующим образом:

- помощь в трудоустройстве, повышении квалификации и освоении новой профессии;
- создание условий для изучения казахского языка и, по желанию, русского;
- отсрочка от службы в рядах вооружённых сил;
- квота для поступления в средние и высшие учебные заведения;
- места в школах, дошкольных учреждениях;
- пенсии; пособия по инвалидности, по случаю потери кормильца и по возрасту;
- право на государственные социальные пособия;
- восстановление в гражданстве;
- право на компенсацию как жертвам массовых политических репрессий;
- гарантированный объём бесплатной медицинской помощи;
- государственная адресная социальная помощь;
- предоставление земли под строительство жилья и участков для полеводства;
- кредит под 4 % годовых на 16 лет;
- выделение из государственных средств 833 тыс. тенге на семью, в среднем состоящую из пяти человек, для аренды или покупки жилья, проезда и провоза имущества¹⁴.

Однако декларируемые цели и поставленные задачи преломляются сквозь призму существующих в Казахстане экономических и социокультурных реалий. Наделяя переселенцев статусом «оралманы», государство маркирует их как особую группу, которая в большинстве случаев воспринимается «местными» казахами в качестве «чужих». Более того, перечисленные выше бонусы, обретаемые со статусом «оралман», делают возможным включение последних в категорию «они, для которых всё», противопоставляемую «нам, для которых ничего». Таким образом, государство, ставя изначально цель интеграции приезжих в местное сообщество, на деле выступает одним из активных участников процесса конструирования и воспроизводства границ между оралманами и местными казахами.

В то же время «местные казахи» (возьмём это словосочетание в кавычки, подчеркнув его условность, поскольку местное сообщество очень неоднородно), демонстрируют в ряде ситуаций отношение к оралманам как к гражданам «второго сорта», используя для маркирования границ «культурного гражданства» язык (не только казахский, но и русский), различное толкование казахских традиций и религии. Кроме этого, за репатриантами надолго закрепляется ярлык «оралман» (несмотря на то, что этот статус является официально временным и сохраняется за человеком до момента получения им гражданства Республики Казахстан), что маркирует их в особую группу тех же граждан «второго сорта». Таким образом, непосредственно казахстанское общество (на локальном уровне) выступает в качестве дополнительного «игрока» на поле конструирования идентичностей в ситуациях повседневного взаимодействия.

Материалы, которые легли в основу рассматриваемого в статье кейса, были собраны в ходе полевых исследований, проведённых автором в два этапа: первый — в августе 2013 г. в Восточно-Казахстанской области (г. Усть-Каменогорск и посёлок Шыгыс) и второй — в июле 2014 г. в городах Астана, Кокшетау и посёлке Красный Яр Акмолинской области. Выбор географии каждого из этапов обусловлен рядом факторов.

Восточно-Казахстанская область была выбрана по двум причинам: во-первых, большой концентрации русского/русскоговорящего населения (как будет показано ниже, русский язык является важным инструментом категоризации); во-вторых, по результатам исследования, проведённого в 2005 г. Центром социальных технологий, здесь преобладают критические оценки населения в отношении оралманов¹⁵. Выбор столицы в качестве «поля» на втором этапе обусловлен задачей конкретизации проблемы аутентичности в экспертном сообществе: важно было понять, каким образом казахстанские интеллектуалы (преподаватели вузов, причём некоторые из них имели непосредственный опыт репатриации из России и Монголии; публичные деятели, представители городских акиматов, а также экс-чиновники) используют понятие «казахскости» в контексте проблемы «культурного гражданства» (Р. Розальдо). Иными словами, нас инте-

ресовало, в каком контексте, говоря о включении и исключении соотечественников из категории «полноценных граждан», они используют сочетание «настоящий казах» и какие смыслы в него вкладывают.

Наиболее ярко категоризация в казахстанском обществе может быть проиллюстрирована на примере конфликта, случившегося весной 2013 г. в посёлке Шыгыс, специально построенном в 2010–2011 гг. для оралманов.

Шыгыс расположен в 30 км от Усть-Каменогорска (Восточно-Казахстанская область). Из 463 домов посёлка около 300 заняли семьи переселенцев из Китая и Монголии, приехавшие по программе «Нурлы Кош» (2009–2011 гг.). Жильё также выделяется переселенцам из малых сёл по программе «Занятость-2020». В посёлке есть школа и детский сад.

Суть конфликта изложена в нескольких материалах СМИ. «Сегодня вечером около 100 жителей посёлка перекрыли дорогу в районе старого Ахмирово (в сторону понтонного моста), требуя вмешательства властей в их проблемы. Место стихийного митинга оцепила полиция, из-за чего в город не могли попасть припозднившиеся дачники. Поводом для возмущения оралманов стало отключение электроэнергии в 170 домах посёлка из-за долгов. По словам протестующих, в месяц семья при среднем доходе в 35–40 тысяч тенге вынуждена платить 40–60 тысяч за свет. Многие не в состоянии справиться с коммунальными платежами. Такие суммы, считают люди, складываются из-за того, что постройка домов в посёлке велась неким “новаторским” способом. На выходе получилась бетонная коробка, отапливаемая электричеством. Чтобы более-менее сносно существовать, зимой и в межсезонье жители Нурлы Кош не выключают обогреватели. Это выливается в копеечку. Как рассказала жительница посёлка Жанна Калбагаева, за январь-март её счета за электричество превысили 350 тысяч тенге. На место митинга и в посёлок выезжал аким области»¹⁶.

«В первые два года областной бюджет, чтобы облегчить репатриантам жизнь, сам платил за потреблённое ими электричество — порядка 80 миллионов тенге. Но когда в мае 2013 г. в нескольких десятках домов посёлка отключили свет за неуплату,

возмущённые жители устроили несанкционированный митинг: практически всё мужское население Шыгыса пошло пешком в город “разговаривать с властью”. Полицейские остановили их на подступах к мосту через Иртыш, ситуацию удалось урегулировать, акимат создал несколько рабочих групп, в том числе по трудоустройству и решению социальных вопросов. Было решено перевести дома с электрического отопления на печное. Оралманы пообещали начать выплачивать долги. Однако к началу марта 2014 г. ситуация практически не изменилась, долг жителей составлял 55 миллионов тенге»¹⁷.

В ноябре 2014 г. долг сократился до 34 миллионов тенге, была обнародована информация о хищениях во время застройки посёлка, что и послужило причиной перерасхода электроэнергии: «...несколько компаний-подрядчиков сэкономили на строительстве, и в домах, где по проекту было предусмотрено электрическое отопление с помощью теплофонов, зимой невероятно холодно. Чтобы как-то выжить в покрывающихся инеем стенах, люди были вынуждены “мотать” электричество, что в итоге вылилось в многомиллионные долги. Один из фигурантов этого дела — экс-чиновник городского масштаба Нурлан Жанет, который умыкнул при строительстве 156 млн. тенге. Недавно он был арестован, и за месяц вернул деньги государству, отремонтировав 70 домов. Халатность при стройке выявлена и у ТОО “Кумаров и К”, владелец которого также недавно был арестован, и у застройщика “777 и К”. С восстановлением этих домов помогли спонсоры. Было принято решение для обогрева домов использовать печное отопление, которое жители должны установить за свой счёт. Власти дали на это разрешение. 32-летней Гульжан Салим, матери-одиночке, инвалиду, которая воспитывает троих детей, за счёт средств городского бюджета печку установили бесплатно. ТОО “Имсталькон” в качестве спонсорской помощи изготовило для нуждающихся переселенцев 20 печей»¹⁸.

Этот конфликт актуализировал большой пласт сопутствующих взаимоотношений (и соответственно категоризаций) и оказался в центре внимания представителей местного населения.

Прежде всего, сам факт создания посёлка для оралманов вызывает раздражение у жителей соседней Новоявленки (и у казахов, и у русских). Строительство посёлка маркировало

особость его жителей, показав, как может возникнуть «групповость» (по Р. Брубейкеру)¹⁹, как возникшая группа осознаёт себя и противопоставляет себя «другим» (властям, местным казахам), а также воспринимается как «чужая» принимающим населением и тем самым выступает важным фактором для самоидентификации местных в качестве группы. Помогая оралманам, государство выделило их в особую категорию, представителей которой местные жители (особенно подверженные иждивенческим настроениям) рассматривают как «чужих», «тех, для которых всё это построили» (на фоне «нас, до которых дела нет»). Их называют «нурлукошевцы» (по названию программы), а сам посёлок Шыгыс называют «Оралманией»:

«...Много проблем у нас есть в селе: дороги, воды не было. После развала Союза, в 95 году, у нас вообще насосную убрали, без воды мы тут сидели, а как братья нурлукошевцы приехали, нам начали давать воду» (ж., 61 год, местная казашка, пос. Новоявленка, расположен рядом с пос. Шыгыс).

Статус «оралман» официально является временным (до получения казахстанского гражданства), однако реально он ещё долго закреплён (как ярлык) за человеком, что видно из приведённого ниже рассуждения информанта:

«... не заметишь даже, что оралман, что наши. Идут такие быстрые изменения: они быстро дипломы здесь получают. Они же уже давно сюда приезжают, с 1992 года. Они уже все как бы наши. Вот, у меня пример есть на работе: Евразийский университет закончила с отличием, я даже не знала, что она оралманка, башка работает, переводит с казахского на русский и наоборот, английский знает, на машине на самой последней марки большой ездит, энергичная, очень хороший работник. Очень способная. И она как-то сказала, что она из Монголии, а я на неё посмотрела, она уже совсем другая, как наша молодёжь работает, она такая же: машину водит такую шикарную последней марки, в Астане квартиру имеет, вот она оралманка. Я её в пример привожу оралманам, говорю, мол, вот, посмотрите, она из Монголии приехала, всего добилась. Раза три так говорила. А она мне потом говорит: “Вы, пожа-

луйста, не говорите так про меня. Я не оралман, я гражданка Республики Казахстан, я себя не считаю оралманом”» (Ж., 55 лет, местная казашка, Усть-Каменогорск).

Из приведённого отрывка видны демонстрируемые бес- сознательно заниженные ожидания в отношении оралманов со стороны местных казахов. И это отношение ощущается самими оралманами:

«Мне сам этот термин не нравится. Потому что сидишь где-нибудь, общаешься, а как узнают, что ты оралман, то меняется отношение к тебе. Меняется негативно. То, что ты приезжий. Вообще это неправильно так людей называть. Есть казахи, которые приезжают из Китая, Узбекистана, Киргизии, они возвращаются в Казахстан и их уже не называют казахами, а китайцами, узбеками, киргизами. Это неправильно» (м., 22 года, оралман из Китая, Усть-Каменогорск).

Здесь заметно ощущение отношения к себе как к людям «второго сорта» в терминах культуры.

Конфликт в посёлке Шыгыс стал причиной для обобщённого восприятия местными оралманов как некой группы (сами оралманы в этот период также проявили организованность, однако более подходящим термином для определения этого процесса будет «групповость» (по Р. Брубейкеру), а не «группа»). Следующий отрывок из интервью с представителем акимата города Усть-Каменогорска показывает, каким образом проявляет себя эта «групповость», как она ситуативна:

«Я думаю, что это ошибка, ну вот, что всех мы объединили в одну деревню. Всех объединили, и они, когда объединяются люди, то среди них появляются лидеры. Они объединяют тех, кто не хочет работать, кто хочет бесплатно этот дом получить, чтобы ему списали все вот эти долги за воду, за электроэнергию — вот они, эти люди и организуют. А так вот, и они сильно сгруппировались. Там нету такого “ты из Китая, а я из Монголии”, там одна нация другая образовалась. Мы с русскими смешались, они там друг с другом, и образовали свою нацию. Вот в этом вся проблема» (ж., 55 лет, местная казашка, Усть-Каменогорск).

Тема «особой нации оралманов» при детальном рассмотрении оказалась не такой однозначной. Оралманы Шыгыса осознают и делят друг друга на приехавших из Монголии, Узбекистана, Китая, но в данной конфликтной ситуации они выступали единой группой как в восприятии местных, так и своём собственном. Кроме того, в высказываниях некоторых информантов ощущалось отношение, о котором можно рассуждать в терминах «культурного гражданства» (Р. Розальдо): они однозначно делили, с позиции культуры, всех граждан Казахстана на «полных» граждан и граждан «второго сорта» (к ним относили оралманов). Причём факт наличия казахстанского гражданства (статус «оралман» является временным) совершенно не имеет значение: ярлык «оралман» приклеивается надолго.

Добавляя к материалам из Шыгыса наблюдения и интервью, проведённые в Акмолинском районе в 2014 г. (в Астане, Кошетау и Красном Яре), следует отметить, что в разговорной речи местных, когда встаёт вопрос об оралманах, довольно часто можно уловить такие категории, как «монголы» (казахи из Монголии), «туркмены» (казахи из Туркмении), «китайцы» (казахи из Китая). Основания для подобной категоризации разные: язык, религиозные традиции, культура и профессиональные предпочтения.

Одним из первых и самых важных маркёров и инструментов включения в группу «свои» («граждане») выступает русский язык. Он является очень значимым фактором категоризации в Восточном Казахстане (60% населения которого — русскоговорящие), но также и в Астане: *«Я переехал из Монголии. Но самое трудное здесь — это язык. В первую очередь язык. Они [оралманы, приехавшие позже. — И.П.] не понимают по-русски. Ничего не понимают»* (м., 32 года, оралман из Монголии, Усть-Каменогорск).

Здесь также хорошо видна связь языка и времени. Знание русского языка (пока ещё) является желательным, а порой и необходимым условием для движения вверх по социальному лифту. Для оралманов это означает дополнительное препятствие при встраивании в местные социальные структуры и является

ещё одной причиной маркирования их как отличных от местного населения:

«Например, в автобусе по-русски не знаешь, как будет какая-то фраза, теряешься, а на тебя люди посмотрят как-то сверху, и казахи, и русские» (ж., 20 лет, оралман из Монголии, Усть-Каменогорск).

«Вся бытовая проблема исходит от незнания языка. В магазин пришёл, а там продавщица русская, в парикмахерскую — и там русская, в автобусе та же проблема, а он не может объяснить, куда надо ехать. Когда сервис казахский, то проблем нет» (м., 32 года, оралман из Монголии, Усть-Каменогорск).

Осваивая русский язык, оралманы легче добиваются высокого положения в обществе (прежде всего, они признаются «своими»), и предпочитают причислять себя к группе местных казахов, дистанцируясь от некогда «своих» — оралманов, что является значимым моментом в идентификации. Довольно интересный пример прозвучал в рассуждениях экс-руководителя одного из подразделений Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилёва о маркировании группы «своих» через русский язык: когда местные казахи хотят подчеркнуть свою «казахскость» перед оралманами, они начинают использовать в своей речи (на казахском языке) русские слова. Но используют они их в определённых случаях, которые знающим людям известны. Оралманы же, ощущая это маркирование и стараясь «сойти за своего» в разговорах с местными казахами, также начинают употреблять русские слова в речи. Однако они не знают, в каких именно речевых ситуациях и какую именно лексику принято заимствовать. В результате они не только не включаются в группу «своих», но ещё более отчётливо закрепляют за собой статус «чужака». В подтверждение этой ситуации — фрагмент из интервью с женщиной-оралманкой из Монголии:

«И.: Есть ли различия в казахском языке Вашем и “местном”? — Р.: Да, они разные. Диалекты разные, названия предметов разные могут быть. Даже я вот — казах, но некоторые слова я не поняла. Они просто из русского заимствуют, и это непонятно мне».

Не только русский, но также и казахский язык является основанием для процессов категоризации внутри самих оралманов (казахи из Монголии и Китая определяют друг друга по степени заимствования слов из монгольского и китайского):

«Здороваемся, например, из Китая — “нихао”, а из Монголии — “рахмет” (ж., 45, оралман из Китая, Усть-Каменогорск). Местное население также отмечает разницу в казахских языках репатриантов: «У казахов, приехавших из Монголии, язык больше похож на монгольский, у казахов из Китая тоже произошла ассимиляция с местными языками там. Некоторые слова произносятся отлично от традиционно казахского. Например, есть слово “ұқсас”, мы произносим его как “ұқшаиш” (м., 30 лет, местный казах, Усть-Каменогорск).

Одним из краеугольных камней в определении себя и другого как «настоящего казаха» является тема «культурных традиций», различное толкование которых может быть инструментально использовано в борьбе за «культурное гражданство». Известный специалист по Центральной Азии П. Финке²⁰ показал, как в дискурс о «казахскости» различные группы акторов привносят своё восприятие «казахскости», рассматриваемой ими как соответствующий культурный капитал. Он также продемонстрировал, как взаимодействие местных и мигрантов встроено в современный дискурс о национальной идентичности, с одной стороны, и влияет на распределение экономических ресурсов и социального статуса в местном сообществе, с другой.

В наших интервью тема культурных традиций в связи с понятием «казахскость» звучала постоянно, когда речь заходила о различиях между местными и приезжими:

«Здесь по-другому традиции сохранились. В Монголии сохранились более древние традиции, а здесь путём ассимиляции традиции стали утрачиваться. Разница в этом».

«Праздник — когда ребенок рождается, ему дают имя. Имя говорят в ухо. В Монголии там присутствуют одни женщины, там мужчин не бывает. А здесь и мужчины, и женщины присутствуют».

«Разница, например, в том, что сейчас идёт “Айт”, мы [казахи из Китая. — И.П.] отмечаем праздник, с Узбекиста-

на отмечают, а с Монголии не отмечают. Все мы отдыхаем, а они работают, традиции казахов с Монголии разные уже. Если идём во время “Айта” на работу, взрослые, старейшины будут ругаться: “Почему традиции не соблюдаете?”» (м., 28 лет, оралман из Китая, пос. Шыгыс).

Разные трактовки традиций часто становились причиной напряжённости в отношениях: *«Отношения с местными жителями сначала были напряжёнными, некоторые недопонимания были, потом нормализовалось, именно то, что связано с традициями (обязательно держали пост оралманы из Китая), не местные, во время “Айта”, когда жили в Китае, был обязательно неделю выходной (у мусульман Китая). А здесь не так, “на Айте работайте”, говорят. Мы считаем, что мы сохранили традиции, нежели местные жители, а местные жители считают, что они сохранили традиции. Ну, я не знаю, как на самом деле. Но естественна разница в языках, немного в традициях. Я читаю 5 раз в день намаз, и дети мои читают и все родственники. Вот по правилам держали пост недавно. Все традиции стараемся сохранять и соблюдать» (ж., 46 лет, оралман из Китая, пос. Шыгыс).*

Традиции служат основанием для отделения себя не только от местных казахов, но и от других групп оралманов. В ходе интервью с оралманами из Китая удалось уловить ещё более детальное внутреннее деление на основании религиозных традиций: *«Казахи, приехавшие из Китая, соблюдают все казахские традиции. Но также есть разница между казахами Тарбагатайского и Алтайского районов Китая. Из Тарбагатайского района женщины-казахи ходят в мечеть, а из Алтайского не ходят» (ж., 29 лет, оралман из Китая, пос. Шыгыс).*

Культурное пространство, безусловно, включает в себя не только «традиционность», как видно, по-разному понимаемую и интерпретируемую в зависимости от целей и контекста. Приезжающие из разных стран оралманы привозят с собой разный багаж привычек и поведенческих практик, что может быть замечено местными и добавлено в список маркёров идентификации. Например, это склонность к разным дисциплинам в

образовании и профессиональные предпочтения. Так, в беседе с информантом, работающим в сфере образования (принимает студентов-оралманов на подготовительные курсы в ВКГУ и сопровождает их учебную и внеучебную жизнь), удалось выяснить «разницу» между оралманами из Монголии и Китая:

«Наши преподаватели отмечают, что оралманы Китая способны больше к точным и естественным наукам, а монголы — к гуманитарным. (...) Студенты-оралманы из Монголии, они какие-то более свободные что ли... Демократии у них там больше... — И: В чём это выражается? — Когда мы собираем их всех и говорим, что нужны деньги на такое-то мероприятие, они — монголы — начинают задавать много вопросов: а зачем, а почему, а зачем это нам надо? Вот из Китая, те без вопросов, принесли и отдали. А у этих там демократия была, вот они и такие непокорные».

«Разница большая в том, что в Китае дисциплина строгая, их не распускали, как в Монголии. В Монголии боятся казахов, а в Китае казахи боятся китайцев» (м., 30 лет, местный казах, Усть-Каменогорск).

Отмечались также различия в трудовых предпочтениях среди казахов, переехавших из разных государств: *«Выходцы из Китая и Узбекистана хорошо работают на земле, и вообще работать могут везде, а вот из Монголии — они ищут такую непильную работу, административную, учителями и др.»* (ж., 46 лет, оралман из Китая, живёт в пос. Шыгыс).

Интересным нам показалось поведение и установки «российских казахов» (которые, кстати, именно из-за знания русского языка не воспринимаются местными как «чужие») — приехав в Казахстан, необходимо было научиться вести себя по-казахски: *«Мне пришлось учиться вести себя как казахи. У нас в Омске люди прямые (даже прямолинейные): если тебя „послали“, то это однозначно, а если пообещали, то обязательно сделают. Здесь — все улыбаются, „да-да“ говорят, а потом не делают. Ну, нельзя же отказывать человеку, чтобы его не обидеть. Именно здесь я узнала о „российском отношении к работе“. Что это такое? Это значит просто делать свою работу, выполнять добросовестно свои обязанности, не врать, не ныть, не подсиживать»* (ж., 40 лет, оралман из России, Астана).

Время переселения в Казахстан также является одним из значимых оснований для категоризации. Среди информантов — местных казахов, распространено мнение, что оралманы делятся на тех, кто приехал в 1990-е гг. и тех, кто появился здесь уже в 2000-е; что обе группы не поддерживают связь друг с другом, поскольку приехавшие раньше стараются дистанцироваться от категории «оралман». В интервью с одним из таких мигрантов, приехавшим 14-летним подростком из Монголии именно в 1990-е гг. и уже добившимся довольно высокого социального положения, удалось уловить подобное отделение себя от оралманов 2000-х:

«Я переехал из Монголии. Но самое трудное здесь — это язык. В первую очередь язык. Они [оралманы, приехавшие позже. — И.П.] не понимают по-русски. Ничего не понимают» (м., 32 года, оралман из Монголии, Усть-Каменогорск).

Однако категория времени является довольно пластичной и относительной в зависимости от ситуаций и контекста. Так, цитируемый выше оралман из Монголии в своём интервью и в других беседах демонстрировал дистанцированность от оралманов в Шыгысе. Для него ключевым являлся фактор времени (он приехал раньше, выучил русский язык и добился положения в обществе), но этот же фактор явился основанием для местных чиновников из городского акимата Усть-Каменогорска назначить его ответственным по разрешению проблемы долгов жителей Шыгыса за электроэнергию. Он как бы «свой», но в то же время он близок к тем, «чужим», которые наделали долгов. Время в данном случае воспринимается по-разному, помещая одного и того же человека в разные категории.

* *
*

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что на момент проведения полевых исследований линии, по которым в практиках и повседневных интеракциях проходит деление внутри определённой части казахстанского сообщества, выглядят следующим образом: русские — казахи; русские — оралманы; казахи местные — оралманы; оралманы из Монголии — оралманы из Китая; оралманы из России — местные

казахи; оралманы, приехавшие в 1990-е — оралманы, переехавшие в 2000-е гг.; оралманы в городе — оралманы в селе (Шыгысе); оралманы Китая из района Алтай — оралманы Китая из района Тарбагатай. Эти границы через статус «оралман» конструируются государством, а далее воспроизводятся и переформируются на уровне локальных сообществ. Используя «казахскость» (во многом понимаемую с точки зрения эссенциализма) как ресурс для создания единой нации казахов, но во многом не учитывая сложный характер низовых категоризаций, власть провоцирует конфликтные ситуации. А они, в свою очередь, способствуют возникновению новых категорий и идентификаций («групповости» в случае Шыгыса), которые находятся в сложном взаимодействии и ситуативны по своей природе.

«Казахскость» (истинная казахскость/аутентичность) является важным ресурсом и инструментом по включению (исключению) в группу «граждан Казахстана» и одним из главных ресурсов в борьбе за «культурное гражданство». Основными же маркерами, которыми пользуются в повседневных практиках категоризации люди, выступают язык (причём не столько казахский, сколько русский, в большей степени выступающий как символ), культура (зависит от страны исхода репатрианта — Россия, Монголия, Китай, Узбекистан и т. д.) и время переселения (переселившиеся в 1990-е гг. имеют больше «шансов» называться «истинными казахами», нежели те, кто приехал в 2000-е).

Возникшая же в 2014 г. тема «российских казахов» (казахов, переехавших в Казахстан из России по программе репатриации и не только, которых не воспринимают как «оралманов») и вообще «русскости» — как значимого элемента в казахстанском государственном национальном строительстве — имеет хороший потенциал для дальнейшего развития темы репатриантов и границ «культурного гражданства» в современном Казахстане.

Исследование выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Оралманы» — это иностранцы или лица без гражданства казахской национальности, постоянно проживающие на момент приобретения суверенитета РК за её пределами и прибывшие в Казахстан с целью постоянного проживания» (Закон Республики Казахстан «О миграции населения»).
- ² Ballinger P. Borders of the Nation, Borders of Citizenship: Italian Repatriation and the Redefinition of National Identity after World War II // *Comparative Studies in Society and History*. 2007. Vol. 49. № 3.
- ³ Berdahl D. The Spirit of Capitalism and the Boundaries of Citizenship in Post-Wall Germany // *Comparative Studies in Society and History*. 2005. Vol. 47. № 2; Preuss U. Citizenship and the German Nation // *Citizenship Studies*. 2003. Vol. 7. № 1.
- ⁴ Ovalle-Bahamo'n R. E. The Wrinkles of Decolonization and Nationness: White Angolans as Returnees in Portugal // *Europe's Invisible Migrants*. Ed. by A. Smith. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2003.
- ⁵ Brettel C.B. Repatriates or Immigrants? A Commentary // *Europe's Invisible Migrants...*
- ⁶ Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, Mass, Harvard University Press, 1992.
- ⁷ Appadurai A. *Modernity at Large*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1996.
- ⁸ Berdahl D. The Spirit of Capitalism and the Boundaries of Citizenship in Post-Wall Germany...
- ⁹ Rosaldo R. Cultural Citizenship and Educational Democracy // *Cultural Anthropology*. 1994. Vol. 9. № 3.
- ¹⁰ Ong A. Cultural Citizenship as Subject-Making: Immigrants Negotiate Racial and Cultural Boundaries in the United States // *Current Anthropology*. 1996. Vol. 37. № 5.
- ¹¹ Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. Под ред. Ф. Барта. Пер. с англ. И. Пилыщикова. М., 2006.
- ¹² Алексеенко А.Н. Казахская репатриация: причины, особенности, перспективы // *Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков*. Науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2010.
- ¹³ Хименес-Товар С. «Казахстанизация» Казахстана: языковая политика, национализм и этнические меньшинства // *Этнографическое обозрение*. М., 2014. № 4.
- ¹⁴ Казахстанская правда, 2008, 11 декабря; Казахстанская правда, 2009, 3 ноября (Цит. по: Алексеенко А.Н. Казахская репатриация: причины, особенности, перспективы... С. 570).
- ¹⁵ Оралманы: реалии, проблемы, перспективы // *Демоскоп-Weekly*. 2006. № 245–246 (1–21 мая). См.: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0245/analit07.php>.
- ¹⁶ В Усть-Каменогорске около сотни оралманов провели несанкционированную акцию протеста // *Новости Усть-Каменогорска и ВКО*. См.: <http://yk-news.kz/novost/v-ust-kamenogorske-okolo-trekh-soten-oralmanov-provelin-sanksionirovannuyu-aksiyu-protesta>.

- ¹⁷ Шимолина Н. 55 миллионов тенге должны за электричество оралманы в Усть-Каменогорске // ReMarka, 6.03.2014. См.: <http://remarka.kz/news/view/44028>.
- ¹⁸ Шимолина Н. В проблемном посёлке оралманов в ВКО решен вопрос с отоплением // ReMarka, 13.11.2014. См.: <http://remarka.kz/news/view/35181>.
- ¹⁹ Брубейкер Р. Этничность без групп. Пер.с англ. И. Борисовой. М., 2012.
- ²⁰ Finke P., Meltem S. Diasporas and Re-patriates: The Kazaks Return «Home». См.: <http://www.eth.mpg.de/cms/en/people/d/finke/project3.html>.

ТРИЛЕММА КОРЕЙЦЕВ КАЗАХСТАНА: ДИАСПОРИЗАЦИЯ, ЭМИГРАЦИЯ ИЛИ РЕПАТРИАЦИЯ?

Герман Ким

Согласно данным Первой национальной переписи населения Республики Казахстан 1999 г., число корейцев составило 99665 человек, а через десять лет следующая перепись зафиксировала численность корейцев на уровне 103931 человек, а их доля в населении страны оставалась в течение 20 лет равной 0,7%.

В 1999 г. в десятке самых многочисленных народов Казахстана корейцы занимали по удельному весу девятое место, а в 2009 г. они поднялись на одну строчку выше. Корейское население по-прежнему сосредоточено в основном (83,7%) в пяти областях (Алматинской, Жамбылской, Карагандинской, Кзыл-Ординской, Южноказахстанской) и в г. Алматы.

Самый высокий удельный вес в общей численности населения области (города) корейцы занимают в Алматы — 1,7%, Кзыл-Ординской области — 1,5% и Жамбылской — 1,4%. Самая низкая доля, по 0,1% — в Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областях. В столице Астане, где проживают 2028 корейцев, она составила 0,6%.

В целом по республике почти каждый пятый кореец (19,2% от их общей численности) проживает в Алматы; доля корейцев в Алматинской области составила 17,5%, а в Карагандинской и Жамбылской — 14,2% и 14,1% соответственно. Значительно возросла численность лиц корейской национальности за межпереписной период в столице республики Астане — на 52,6%; в Алматы — на 27,9%. Вместе с тем произошёл отток корейцев из Алматинской области (на 5,4%), из Карагандинской (на 3,9%), Кзыл-Ординской (на 25,4%), Южно-Казахстанской об-

Ким Герман Николаевич, доктор исторических наук, директор Центра корееведения КазНУ им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан).